

Л. М. Ульмезова

ИМЕНА ДЕЙСТВИЯ (СУБСТАНТИВНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА) В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Одной из важнейших морфологических особенностей суффиксальных агглютинативных языков [1, с. 321] является наличие в них чрезвычайно развитой многочленной категории глагольных именных форм, коммуникативное предназначение которых заключается в том, чтобы служить морфологическим средством введения в высказывание именных компонентов в виде словоформ или создаваемых на их основе конструкций любой коммуникативно-необходимой протяженности. Иными словами, речь идет о глагольных формах, которые могут функционировать в качестве любого «члена предложения», способного к распространению в любой необходимой говорящему мере [2, с. 111–114].

В настоящей статье трактовка глагольных имен продолжает уже сложившуюся традицию истолкования их как морфологических средств вторичной репрезентации, или вторичного гипостазирования¹.

Концепция вторичного гипостазирования базируется на нижеследующих положениях [4, с. 115–131; 5, 6]:

1. Знаменательные лексемы языка — существительные, прилагательные, наречия и глаголы — с диахронической точки зрения трактуются как продукты, а в синхронии — как средства «гипостазирования», т. е. отражения, истолкования и представления элементов объективной реальности в образах соответственно предмета, признака, обстоятельства, действия, а также как средства наделения результатов такого истолкования, т. е. сформировавшихся образов, самостоятельным существованием в языке в качестве значений лексем.

2. В языках имеются средства *вторичного* гипостазирования, т. е. оперативного представления первичного содержания значения какой-либо лексемы или формы в образе, который выполняет функцию частеречного значения одного из перечисленных классов лексем. Можно сказать, что глагольные имена представляют собой морфологические средства оперативного представления действия в именных образах — предмета, признака или обстоятельства.

3. В основе вторичного гипостазирования, очевидно, лежат стандартные мыслительные (точнее, возможно, семантические) операции, которые могли бы именоваться «опредмечиванием действия», «опризначиванием действия», «представлением действия в роли обстоятельства». Все три разновидности мыслительных операций могут обозначаться общим термином «номинализация действия». Именно поэтому в некоторых работах, принявших концепцию вторичного гипостазирования, совокупность глагольных именных форм называется категорией номинализации действия (см., напр.: [7]).

Сформулированное выше коммуникативное предназначение развернутых компонентов высказываний, вводимых глагольными именными формами, в значительной

¹ Термин «гипостазирование» впервые в языкознании применил немецкий лингвист Эрнст Лейзи, см.: [3, с. 23–25].

© Л. М. Ульмезова, 2012

мере совпадает с коммуникативным предназначением союзных придаточных предложений индоевропейских языков.

Представляется полезным подчеркнуть, что продукты вторичного гипостазирования наблюдаются как в сфере словоизменения, так и в сфере словообразования. Ничто не мешает какому-нибудь конкретному имени действия, причастию или деепричастию лексикализироваться и занять место в словаре (имеются в виду такие лексемы, как русские *бег, плавание, приближение* и т. п.).

О словоизменительной природе глагольно-именных образований свидетельствуют следующие факты: 1) представляя действие в именных образах, они тем не менее во всех случаях означают *действие*; 2) сохраняют обычное *глагольное* управление; 3) в привлеченном материале наличествуют глагольно-именные словоформы, в составе которых присутствуют аффиксы залогов, статуса, категории аспектуальности (занимающие в словоформе место, предшествующее морфу глагольного имени) [8, с. 53].

В карачаево-балкарском языке имеется характерная для агглютинативных языков многочленная глагольная категория номинализации действия, в состав которой входят частные глагольно-именные категории: 1) имена действия (масдары), 2) причастия, 3) субстантивно-адъективные формы глагола и 4) обстоятельственные формы глагола.

Автора настоящей статьи интересует устройство карачаево-балкарской категории *имена действия (масдары)* в составе словоизменительной подсистемы морфологического фрагмента языка, а продукты лексеообразующих процессов затрагиваются по мере необходимости.

Имена действия (масдары) трактуются как такие глагольно-именные формы, которые выражают результат мыслительной операции, которую А. М. Пешковский назвал «опредмечиванием процесса» [9, с. 142]. Иными словами, речь идет о формах, которые «обозначают действие как предмет» [9, с. 141].

Имена действия (масдары) в современном карачаево-балкарском языке представлены формами с морфемами *-(Ы)у, -мАк(ѳ), -мАк(ѳ)лЫк(ѳ), -ГѳАнлЫкѳ, -(Ы)ш, -мАзлЫк(ѳ)*, объединенными общим значением опредмеченного действия, т. е. действия, оперативно представляемого как предмет. Некоторые имена действия обладают темпоральными значениями, т. е. временными семами. У форм *-мАк(ѳ), -мАк(ѳ)лЫк(ѳ), -(Ы)ш* отсутствуют временные семы, форма *-г(ѳ)АнлЫк(ѳ)* обладает семой настоящего времени, форма *-мАзлЫк(ѳ)* — семой будущего времени [10, с. 63]. Данные формы в разной мере подвержены морфологическим изменениям. Их коммуникативное предназначение — функционировать в составе конструкций в качестве способных к распространению субстантивных компонентов (подлежащих, предикатов, дополнений и т. д.).

Имя действия *-(Ы)у*

Эта форма имени действия продуктивна и является самым производительным масдаром. Она, по-видимому, имеет менее абстрактное значение, чем остальные имена действия: *-мАк(ѳ), -мАк(ѳ)лЫк(ѳ), -Г(ѳ)АнлЫк(ѳ), -(Ы)ш, -мАзлЫк(ѳ)*. Она способна выступать как с аффиксами субстантивных категорий, так и в неаффиговом виде.

Бахчагъа къара+у керек, / Ахчагъа сана+у керек (КъМНС, 52) «За огородом требуется уход, / деньгам нужен счёт».

Окъу+у — нюрдю, окъумагъан — кёрдю (пословица) «Ученье — свет, а тот, кто не учится, слеп».

Былада сый **бер+иу+ге**, сый **ал+ыу+гъа** уллу эс бурулады (информант) «У них придается большое значение **дарению и принятию** свадебных подарков».

“Тохтайыкъ!” деди **арсарсыз ол да, не ёл+юу, не къал+ыу** деген бек къоркъулу ишге базынганча (МТ, 1994, № 1.58) «Он тоже сказал без тени сомнения: “Давайте остановимся!”», — как если бы он окончательно решился взяться за опасное дело, исходом которого могла быть как **жизнь**, так и **смерть**».

Имя действия -Г(ъ)АнлЫк(ъ)

Эта субстантивная форма глагола продуктивна и обладает семой настоящего времени, однако не столь производительна, как форма -(Ы):

Кет+генлиг+ингмиди (информант) «Ты что, уходишь (букв: «Это твой **уход?**»)».

Мен аны биринчи кере кёр+генлиг+име, айыу болгъанын билдим (КъКъ, ЖЖГ, 66) «**Не смотря на то, что я впервые видел** его, я понял, что это медведь».

Ол анны тесерге чакъырлыкъ жигитни сакъла+гъанлыгъ+ы эди (МТ, 1996, № 1.153) «Это она ждала юношу, который пригласил бы её на танец (букв: «**сакъла+гъанлыкъ < ожидание>**»)».

Имя действия -МАк(ъ)лЫк(ъ)

В современном карачаево-балкарском языке форма -МАк(ъ)лЫк(ъ) встречается довольно редко и преимущественно в письменной речи. Насколько можно судить по приводимым примерам, она не содержит в своем значении ни временной, ни агентивной семы:

Анам манга къара кёзле берип сюй+меклиг+им+и сыйыргъанды (МК, К, 31) «Мать, подарив мне черные глаза, лишила меня любви» (букв: «**сюй+меклик < любовь>**»).

Биз толубуз келиш+меклик умутдан. / **Бир къолумда — чагъыр, биримде — Къуран** (ОХР, 255) «Мы полны **противоречивых** помыслов. / В одной руке вино, в другой — Коран».

Быллай акъылман поэтни ана тилибизге кёчюр+меклик — **керти фахмусуз, жүрек илхамсыз къолдан келлик иш туюл эди...** (ОХР, 3–4) «Было бы невозможно **перевести** на наш родной язык такого поэта-мыслителя, не обладая настоящим талантом и вдохновением».

Имя действия -МАк(ъ)

Имя действия -МАк(ъ) зарегистрировано в материале, который относится к началу XX в. Насколько можно судить по приводимым примерам, эта именная форма не держала в своем значении ни временной, ни агентивной семы. Она функционировала в форме «основного» (примеры 1, 2) и винительного (пример 3) падежей. И, как представляется, имела своим значением наиболее абстрактный образ действия, что находило выражение в его несколько ограниченной морфологии:

Сабет былас — алтын терек, / Аны къаты тут+макъ керек (МК, К, 13) «Советская власть — золотое дерево, / за него нужно крепко **держаться**».

Халкэгъа кесин сьюдюр+мек — / Бек багъалыд билигиз (МК, К, 244) «Знайте! Очень ценно **добиться любви** народа».

Жан ал+макъ+ны халларындан безерсе, / Азырайылны кёрсенг, умут тизерсе (МК, К, 59) «Тебе будет так мучительно от множества способов **лишения** (тебя) жизни, / что даже при виде Азраиля ты обретишь надежду».

Имя действия -(Ы)ш

Эта субстантивная форма глагола продуктивна, однако она не является производительной:

Къайт+ыш+ханнга болур кечим, мархаба, / «Аллах бир» деп, кёлон анга салгъанга (МК, К, 43) «**Раскаившемуся**, произнесшему “Аллах един” и чистосердечно поклоняющемуся Ему — прощение и благодать».

Жюрю+ш+ю онглу ну юлюшю да онглу (КъМНС, 55) «Кто уверенно **шагает**, тому много достается».

Имя действия -мАзЫк(ъ)

Данная форма имеет отрицательное значение. Способность этой формы, обладающей семой будущего времени, принимать формы залога, статуса и функционировать в формах множественности, принадлежности и сопрягаться с послелогом относит ее к субстантивным формам глагола:

Ишсиз ол жашау этал+мазлыгъ+ын ангылайды (МТ, 2005, № 1.163) «Он понимает, что без работы ему не прожить».

Кесим аны бла таньшал+мазлыкъ+ча (информант) «**Как будто** я сама **не смогу** с ним **познакомиться**».

Принятые сокращения

МК, К	— Мёчюланы Кязим. Кязим. Нальчик: Эльбрус, 1996.
КъМНТ	— Къарачай-малкъар нарт сёзле. Жарашдыргъан — Джуртубайланы Хыйса. Нальчик: Эльбрус, 2005.
МТ	— Минги Тау. № 1. Нальчик: Эльбрус, 1994.
КЪКЪ, ЖЖГ	— Кули Къайсын. Жорт, жорт, гылыуум! Нальчик: Эльбрус, 2002.
МТ	— Минги Тау. № 1. Нальчик: Эльбрус, 2005.
МТ	— Минги Тау. № 1. Нальчик: Эльбрус, 1996.
ОХР, Р	— Омар Хаям. Рубайят. Ёлмезланы Мурадин кёчюргенди. Нальчик: Эльбрус, 2002.

Литература

1. Поливанов Е. Д. О разграничении суффиксальных и префиксальных агглютинативных языков // Поливанов Е. Д. Труды по восточному и общему языкознанию. М.: Наука, 1991.
2. Гузев В. Г., Бурыкин А. А. Общие строевые особенности агглютинативных языков // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. III, ч. 1. СПб., 2007.

3. *Leisi E.* Der Wortinhalt: Seine Struktur im Deutschen und Englischen. 2. erweiterte Auflage. Heidelberg, 1961.

4. *Гузев В. Г.* Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол (на материале староанатолийско-тюркского языка). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990.

5. *Гузев В. Г.* Опыт применения понятия «гипостазирование» к тюркской морфологии // Востокведение: Филологические исследования. Вып. 21. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. С. 29–36.

6. *Гузев В. Г.* Узбекский квазимасдар // Теоретические проблемы языкознания: сб. статей к 140-летию кафедры общего языкознания филологического факультета СПбГУ. СПб.: Филологический факультет, 2004. С. 277–286.

7. *Дениз-Йылмаз О.* Категория номинализации действия в турецком языке. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. 227 с.

8. *Гузев В. Г.* Система именных форм тюркского глагола как морфологическая категория (на материале староанатолийского и турецкого языков) // *Turcologica*. Л.: Наука, 1976. С. 53.

9. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956.

10. *Гаджихмедов Н. Э.* Словоизменительные категории имени и глагола в кумыкском языке (сравнительно с другими тюркскими языками): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Махачкала, 1993.

Статья поступила в редакцию 14 марта 2012 г.